

ЖИЗНЬ СПУСТЯ

Макс ПОЛЯНОВСКИЙ

Пурпурная мантия

В эти дни Корнею Ивановичу Чуковскому исполнилось бы 115 лет

А ФОТОГРАФИИ Макса Поляновского (лето, 1962 год) вы видите Корнея Ивановича только что вернувшимся из Англии, где он получил степень доктора литературы Оксфордского университета.

Сохранилась запись рассказа самого Корнея Чуковского об этом событии. Она была сделана Сусанной ИКОННИКОВОЙ, женой писателя Макса Поляновского.

...В июньский день 1962 года мы — Лев Кассиль, Агния Барто, Наталья Кончаловская, Макс Поляновский и я — входим в кабинет Корнея Ивановича в подмосковном Переделкино. В глубине — тахта под белоснежным чехлом, рядом, от пола до потолка, стеллажи с книгами. Перед широким окном в сад небольшой рабочий стол и секретер, уставленный подарками. Среди них — маленькие заводные игрушки, которые везут сказочнику со всего света. Для их демонстрации даже куплен отдельный столик.

Рассаживаемся кто куда. Корней Иванович — ему весной исполнилось 80 — снимает свисающий со стеллажа роскошный головной убор вождя краснокожих, привезенный ему в подарок сыном Леонидом Андреевым, надевает его на голову и предстает перед нами величественным и строгим вождем индейцев.

Не успеваем мы ахнуть от восхищения, как убор снят; Корней Иванович исчезает, но тут же появляется в пурпурно-черной мантии доктора Оксфордского университета и черной шапочке с кисточкой. Он великолепен и торжественен, при этом юмор так и светится в его глазах. Мы, конечно, сражены. Корней Иванович начинает свой рассказ.

«Все началось с того, что мне прислали написанное на очень красивой бумаге письмо из Англии, в котором меня просили сообщить размер головы и рост. Несколько удивленный, я все же решил измерить и то и другое и, проведя ряд сложных математических подсчетов, перевел все это в английскую систему единиц. Просвещенные англичане не понимают метров и сантиментов.

Вскоре я получил второе письмо, на этот раз с приглашением прочитать в Англии лекции с оплатой 30 фунтов в час. Я прикинул: 30 фунтов есть 30 фунтов — и решил согласиться.

И тут началось... Все домашние в один голос пустились причитать,

что такая поездка, да еще самолетом, — безумие, что я могу согласиться только в том случае, если одержим навязчивой идеей себя извести.

Но я не сдавался. И тогда посыпались рекомендации. Мне нанесли огромное количество разных лекций с подробным расписанием, когда что принимать: за час до полета, перед взлетом, во время подъема и т.д.

Марина (жена Николая Корнеича) везла целый баул этих лекций, но я не принял ни одного, а когда самолет взлетел в воздух и, набрав высоту, начал свой сверхзвуковой полет, я понял, что создан для полетов. Под нами расстилась бескрайняя мыльная пена, по образному выражению одной летевшей с нами девочки. А когда в просвете показался Копенгаген и Лондон был уже недалеко, я стал кричать, что хочу лететь через океан. Но крики не помогли и пришлось приземляться в Лондоне.

Я не был в Лондоне 60 лет. Я уехал из него тогда, когда в моде были длинные юбки, люди писали еще гусиными перьями и по мощенным булыжником улицам разъезжали знаменитые английские кэбы. Я увидел совсем другую Англию. Англию, застроенную множеством больших и высоких домов, Англию асфальтированных дорог, Англию, в которой живут уже внуки тех, с которыми я был знаком тогда. Англию совершенно новую и все-таки такую же, какой она была тогда. Я узнавал улицы, по которым ходил в 1903 году вместе с Алексеем Толстым и Конан Дойлом. С того времени я стал его активным переводчиком. Англия тогда не знала русских писателей и поэтов. Когда 60 лет назад умер Чехов, английская «Times» поместила заметку в полторы строки. В тот день я ходил по скверу и плакал, а подошедшему ко мне полицейскому, спросившему о причине моих слез, я сосался на зубную боль. Имя Чехова ему все равно ничего бы не сказало.

Сейчас в Англии знают Евтушенко, Заболоцкого, Анну Ахматову, Блока... Во многих русских домах можно увидеть портреты Гагарина и Титова.

Убедился я и в том, что знаю подлинный английский язык: пропутав как-то с шофером несколько часов и разговаривая с ним, мы отлично понимали друг друга. После этого осмелел и «шпарил» по-английски повсюду.

И вот наступил день, когда мне торжественно присуждали степень. Церемония началась с облаче-

ния в мантию, сшитую специально для меня. Потом меня ввели в зал, где восседал какой-то очень высокий оксфордский чин — «Белый канцлер» — и где меня должен был приветствовать штатный оратор, тот же, который приветствует королеву при ее посещении университета. Мне сказали, чтобы я сделал десять шагов по направлению к нему, но, взглянув на мои ноги, поправились: лучше восемь. А я бы мог и в шесть шагов добраться до «белого канцлера» и перешагнуть через его кафедру.

Когда я остановился, штатный оратор стал читать мое похвальное слово по-латыни. Я именовался там Корнелиусом, а когда он дошел до перечисления моих трудов и среди прочих назвал «Крокодилиуса», тут даже сам «белый канцлер» улыбнулся. Правда, одной бровью.

Церемония представления закончилась, и я должен был расписаться в книге, где передо мной расписывались другие, и какие люди! Потом я вззошел на возвышение по тем же самым ступеням, по которым поднимался Тургенев, и был удостоен чести занять место рядом с «белым канцлером».

Затем я должен был произнести свою речь, в которой мне хотелось убедить англичан, какой замечательный поэт Некрасов. И только я разлетелся, как оказалось, что традиционный час уже миновал, а речь не имеет права длиться ни одной минутой дольше. Все присутствующие ужасно сокрушались по этому поводу (англичане невероятно лицемерны), но традиция оказалась сильнее, и речь закончилась ровно через час, как началась.

Меня приглашали и в старинные поместья, и в скромные квартиры. Я выступал в Лондонском университете, в Клубе Англии — СССР, в Пушкинском клубе... Всюду меня просили читать детские стихи и я читал до боли в горле и хрипоты. Меня всюду представляли очень тепло, а однажды дама-профессор назвала меня вторым русским дедушкой. По ее мнению, первым был Крылов...

Уже осенью Макс Поляновский показал Корнею Ивановичу снимки, сделанные в тот памятный день. Он долго внимательно их рассматривал, потом со вздохом сказал: «Какой же я старый» — и тут же, явно опровергая свое утверждение, с ходу, твердой рукой и без очков (их у него вообще не было), сделал следующую надпись: «Вот таковский / Был Чуковский / Уверяет Поляновский / Увы, это было давно / аж в 1962 году».

269